

Если честно — Цзян и так знал ответ. Ну кому нужна правда от человека, который минуту назад рычал «Я тебя угроблю»? Тут и так всё ясно.

И правда его не подвела.

— Не люблю.

Лу швырнул на кровать чёрный пакет, тот хрустнул в тишине. Лицо дёрнулось, губы скривились:

— Чего мне в тебе любить? Я что, слепой? Ты и сам знаешь, какой ты. Ты мудака. Не люблю я тебя.

Он даже не сел — остался стоять у края кровати, яростно разрывая упаковки презервативов и лубриканта, будто эти дешёвые плёнки могли доказать хоть что-то.

Цзян не моргнул:

— Ну и зачем тогда весь этот цирк? Психуешь, тащишь меня сюда, лезешь в койку — ради чего?

Лу ухмыльнулся, губы растянулись в хищной улыбке. Он вернулся на кровать, навалился, вдавил Цзяна глубже в подушки. Ни мягкости, ни игры — всё рвалось наружу быстро и зло. Одежда летела на пол, зацепившись за локти и пальцы.

— Потому что смотреть на тебя — тошно. Вот и всё.

Ну конечно. Цзян только внутренне хмыкнул — начитался своих мутных форумов для недорослей и теперь играет взрослую драму. Лу Синъянь резко перехватил его руку, дёрнул вниз, прижал к своему члену и зашипел прямо в ухо:

— Ну как, большой?

Ответом был сухой смешок. Лу взвился ещё больше — пальцы сжали его руку крепче, заставили обхватить член еще крепче, почти намеренно больно.

— Сейчас ещё больше будет. Давай сравним, а? Я тебя в два раза обгоняю!

— Ты вообще нормальный? — Цзян едва не фыркнул прямо ему в лицо и упёрся ногой, отталкивая.

Лу только фыркнул в ответ, коротко, через нос:

— Не нормальный. Ты сам меня таким сделал! Вот теперь смотри и радуйся. Я тебе больше никогда улыбаться не буду!

Ну да, логика железная. Цзян чуть слышно хмыкнул, почти беззлобно — и дал ему доиграть этот спектакль до конца.

Это ещё не всё: Лу выудил из пакета презерватив, сунул прямо в руку Цзяна и, не давая

опомниться, заставил помочь натянуть. Давил сверху всем телом — горячим, настырным, кусал шею, ухо, цеплялся за кожу, как злой зверёныш, который всё равно ластится сквозь зубы.

— Сегодня всё будет по-моему. Ты согласен — не согласен — мне плевать.

— С чего бы это? — Цзян выдохнул, голос прозвучал хрипло, почти с насмешкой.

Лу хмыкнул, прижался губами к уху и выдал таким лениво-томным тоном, что сама фраза прозвучала как чья-то идиотская шутка:

— Откажешься — всё расскажу твоей маме.

Цзян только выдал глухое «...». Даже слов не нашлось.

— Ты меня дёргаешь, морочишь голову — а сам с какими-то павлинами целуешься!

Он явно забыл, что если всё это выплеснет наружу — первому же и прилетит. Хотя кого это волновало? Лу Синъянь в этот момент был в режиме «мне море по колено» — и на его фоне Цзян мог бы считаться святым.

Но эта «детсадовская угроза» его не напугала. Цзян только отметил про себя, чуть устало: да, ты теперь и правда тронутый, до самой кости, и при этом стоишь на своём «не люблю».

— Ну и? — Цзян сам удивился, что терпение ещё не кончилось. — Переспим, и что тогда? Мы кто?

— Никто! — Лу глянул на него сверху вниз, как самый главный гад во всём этом городе. — Захочу — пересплю. Захочу — уйду. И чтоб ты даже не смел меня любить!

...

Он и правда был крут. Цзян даже рассмеялся — грудь вздрогнула, смех вырвался резкий, короткий. Лу в ответ только сжал его за талию так плотно, что у Цзяна не осталось ни шанса вывернуться.

Ну да — «оно» действительно стало больше, факт. Отмахнуться уже не вышло: презерватив ещё толком не натянут, а горячая влага на кончике уже скользнула по бедру — и вся эта фарсовая сцена вдруг налилась таким тихим, вязким напряжением, что в воздухе запахло настоящим срывом.

Цзян медленно замолк, сбросил смех с губ. Лу наоборот — не собирался улыбаться. Его взгляд держал, прижимал к подушке сильнее, и в этих словах, дурацких и колючих, сквозила настоящая, живая злость.

Он рванулся снова — поцелуй был с острыми краями, почти укусы, не поцелуй, а жадный захват. Лу уже успел выучить, что именно заставляет Цзяна слабеть — пальцы скользнули к шее, обняли горло, прижали, отпустили, прошлись ниже к груди, спустились к животу, потом зацепились за спину, будто вдавливая его ещё глубже в эти упрямые объятия.

С каждым касанием в Лу что-то будто включалось — этот новый, странный вкус контроля расходился по венам, как электрический разряд, цеплял мышцы, дробил дыхание. Он дышал всё реже, но глубже, будто заглатывал воздух вместе с Цзяном. На плечах блестела тонкая испарина, мышцы спины вздулись от напряжения. Поцелуи не остывали — длинные, жадные,

цепкие, каждый раз всё глубже, как будто он пытался выжечь на коже своё имя.

Сначала Цзян это просто терпел. Он не собирался идти до конца, смотрел сверху вниз на Лу, позволял ему срываться, рвать воздух между ними и жадно выдыхать обратно. Забавно, пусть и грубовато.

Цзян всегда смотрел на Лу свысока. Даже в этой постели.

Лу Синьянь, похоже, вбил себе в голову, что Цзяну нравится, когда его душат посреди поцелуя. Цзян вообще-то не фанат, но пальцы Лу всё равно сжимались снова и снова, то ослабляя хватку, то вновь пережимая горло. Воздух рвался, тело горячело под ладонями, сердце прыгало под пальцами. Цзян сбился с ритма, и в какой-то миг понял — если так пойдёт дальше, этот упрямый идиот реально доведёт всё до конца, и никакого «выхода» уже не будет.

Он попытался сбить этот дикий напор, но Лу перехватил запястья и прижал их к своим бокам, сам двигаясь навстречу — больше, глубже, с какой-то рваной, злой жадностью. Кровать под ними жалобно скрипела под резкими толчками.

В этот момент Цзян совершенно не хотел, но получил этот чёртов «замер измерений» прямо бёдрами — и Лу, хищно прищурившись, выдал сквозь зубы:

— Ну что, я красивее, чем он?

...

Поцелуй был таким долгим, что когда Цзян наконец вырвал губы, слюна потянулась тонкой нитью между ними. Он выдохнул сипло, тяжело, почти с рыком:

— Может, хоть раз заткнёшься?

Заткнуться? Ну да, конечно.

Лу только дёрнул уголком рта, и взгляд его потеплел — но только на миг:

— Я самый красивый у тебя, да? И самый молодой.

— Да-да-да...

— Я ещё и умный. В учёбе лучший. В игры играю. Фанаток — тьма.

Цзян только прикрыл глаза, сквозь зубы проглотив рык. Господи, где же у этого идиота выключатель?

Внутри он почти всерьёз мечтал вонзить в Лу иглу с ниткой и зашить этот бесконечно болтающий рот — так, про запас. Но надо отдать должное: благодаря этому дурацкому трёпу он хоть чуть-чуть успел остудить голову. Рывком вывернулся из его рук, сполз с кровати, босыми пятками коснулся пола — но не успел сделать и шага, как за пояс вцепилась горячая стальная ладонь. Лу рванул его обратно на матрас:

— Ни шагу!

— Отпусти.

— Не-а. — Лу, весь в своей раздутой мужицкой гордости, прорычал низко: — Я что, не лучший

вариант из всех твоих? С кем ты ещё собрался спать, если не со мной? Уже возбудился — и куда ты собрался?!

...

Он обнял Цзяна сзади, прижал так плотно, что воздух застрял в горле, уткнулся зубами в мочку уха — всё ещё сердитый, но уже явственно растаявший под руками и теплом. Сквозь эту злую маску просочилось что-то мягкое: он прижимался животом, шершаво царапал, сжимал пальцами бока и медленно скользнул ладонью вниз.

Цзян не стал спорить с физиологией — тело само всё решило за него.

— И не думай, что мне это нравится! — Лу фыркнул прямо в ухо, но сам приник ещё ближе, почти прилип. — Это мой номер. Ты теперь мой. Что хочу — то и делаю. Ясно?

Цзян не ответил — просто выдохнул сквозь зубы и прикрыл глаза.

Лу Синъянь, похоже, сам не замечал, каким стал липким и тёплым. Одна рука творила своё, настойчиво и почти неуклюже, а вторая шарила по ключицам, скользила по груди, цеплялась за волосы на затылке. Он не останавливался — кусал, нырял носом в шею, проводил губами по линии челюсти.

Ответа он не получал — и это жгло изнутри куда сильнее любой злости. Но признаться, что он хочет услышать что-то мягкое, он бы не смог ни за что. За пару минут он успел усыпать плечо Цзяна целой россыпью алых следов — губами, зубами, ногтями, цепляя кожу с голодной упрямостью.

Чем сильнее Лу играл в «главного», тем больше Цзян хотел его расколоть.

— Лу Синъянь.

— Чего?

— Ты правда меня не любишь?

...

Человек за спиной затих на секунду, дыхание оборвалось, а потом сорвался с места, как щёлкнуло что-то внутри — взорвался стыдом и злостью разом:

— Не люблю! Не люблю! Не люблю! Ты ещё сколько раз это спросишь?!

Цзян Цзи лениво, будто с усталой ухмылкой, протянул:

— Оу. То есть твоё признание тогда — так, фарс, да?

Лу Синъянь на миг застыл. Где-то в глубине у него всплыло то самое признание, которое он давно спрятал подальше, туда, где даже себе не признавался. Мысли коротко запутались и оборвались.

Цзян Цзи уже почти добрался до цели — наполовину трезвый, наполовину горячий внутри. Голос дрогнул, скользнул лениво и чуть хрипло:

— Вообще-то... я с Ян Пусуном не целовался.

Лу Синъянь ожил, словно кто-то рывком выдернул его из забвения:

— Я сам видел!

— Ты ошибся.

В следующую секунду он снова вцепился зубами в его шею — там, где даже малейший укус отзывался вспышкой под кожей. Цзян чуть слышно выдохнул:

— Просто угол такой был.

— ...Правда? — Лу Синъянь сузил глаза, развернул его лицом к себе, прижал к груди, будто хотел увидеть правду прямо на лице. Но Цзян зажмурился, весь покраснелся, и кроме волны тихого удовольствия на нём не читалось ничего.

— Не останавливайся, — напомнил он, слова срывались вместе с дыханием, цеплялись за каждую паузу.

Лу Синъянь и сам уже едва дышал ровно. Он нащупал рукой тюбик смазки, но Цзян, хоть и не видел, всё понял по этому движению.

— Я не хочу с тобой.

Он опустил лоб ему на плечо, спрятал взгляд в изгиб шеи:

— Ты же меня не любишь. Зачем мне...

Тон оставался едким намёком — догадайся, что за ним.

Лу Синъянь застыл, дыхание сбилось.

— Что ты сказал?

Цзян вдруг открыл глаза, медленно поднял голову — в зрачках уже стоял мутный свет желания, чуть влажный, тяжёлый. Он выдохнул прямо ему в губы, протягивая каждое слово нарочно медленно:

— Я думал, ты меня любишь. Вот и...

Он намеренно не закончил, оставив в воздухе вязкую паузу. Лу сжал его сильнее, прижался лбом к лбу, сорвался на почти злой шёпот:

— Вот и что? Скажи!

Но вместо ответа Лу Синъянь не выдержал — рванул его обратно на кровать и прижал к себе так, будто хотел запечатать все слова сразу телом.

Цзян Цзи, конечно, говорил «не хочу», но при таких раскладах отказаться было бы уже из области фантастики. Тёплая стальная тяжесть упёрлась в его бедро, дыхание сбилось, смешалось — у обоих совпало в один рваный ритм, горячий, липкий и без шансов на отступление.

Он дёрнулся всем телом, глухо вздохнул, когда зубы впились в мочку уха, и сразу рухнул обратно, прижатый.

— Говори. — Голос Лу Синъяня сел, потяжелел, он шепнул это прямо в ухо, подкинув туда порцию горячего воздуха. Пусть ещё немного помучается.

Цзян Цзи отдышался, дотянул паузу, потом выдал:

— Я давно чувствовал, что ты меня вроде как любишь, но как-то по-дурачки. Вот я с Ян Пусуном тебя чуть проверил...

Он чуть кашлянул, будто извиняясь за этот хитрый финт:

— Хотел, чтобы ты поревновал, а потом я бы тебя успокоил — и мы бы уже давно крутили свою любовь по-человечески.

Лу Синъянь моргнул так, будто кто-то хлопнул его ладонью по лбу:

— Ты сейчас что сказал?

— Ты правда не догоняешь? — Цзян Цзи подался ближе, так что их носы почти соприкоснулись. — Ты не видишь, что я к тебе чувствую?

Лу Синъянь завис окончательно — дыхание сбилось, губы чуть приоткрылись:

— ...

Какие чувства? Где? Неужели он и правда не играет?

— Эх... — Цзян Цзи выдохнул так, будто у него за плечами вся семья и кредит на полжизни. — Сам виноват — надо было сразу сказать. Но ты хоть иногда думай своей башкой: если бы я тебя не любил, стал бы шанс тебе давать? С собой всё это таскать? С тобой по тусовкам шляться?

Лу Синъянь застыл окончательно. Он просто стоял и молчал, будто у него выключили все мысли разом.

Цзян Цзи спокойно наклонил его голову вниз ладонью — чтобы взгляд больше не сверлил в самое сердце. Тон был ровный, почти усталый:

— Если ты меня не любишь — катись, Лу Синъянь. Я не собираюсь в тебя цепляться.

Он легко отстранил его от себя, скинул с колен и спрыгнул с кровати:

— Будет всё, как раньше. Я — старший брат, ты — младший. А всё это забудь, будто не было.

— Подожди! — голос Лу дрогнул, чуть сорвался. — Цзян Цзи!

Он схватил брата за запястье у самой двери ванной:

— Не говори так! Я не понял ничего... Скажи нормально!

Цзян Цзи обернулся, посмотрел на него спокойно, холодно — но в этом холоде уже не было злости, только ясность:

— Что тут ещё говорить? Если ты меня не любишь — мне нечего тебе объяснять.

— Я... я... — Лу Синъянь запнулся, глядя прямо в него, будто искал спасение.

— Ты что? — Цзян Цзи поднял брови чуть выше, и в этом взгляде сквозило что-то резкое и колючее, но внутри теплился тихий вопрос. — Ты правда хочешь сказать, что любишь меня?

Лу Синъянь всё ещё стоял молча. Пальцы на запястье брата дрогнули. Всё, что он ещё секунду назад выстраивал в голове, рушилось, будто кто-то выдернул опору.

А может, он и сам выдернул.

Что-то горячее всколыхнулось внутри, рванулось вверх и обожгло горло. Он сделал полшага ближе, почти уткнулся лбом в плечо Цзяна:

— Ты... правда любишь меня?

Цзян Цзи чуть усмехнулся краем губ, отмахнулся и шагнул в ванную. Лу Синъянь — за ним, не отпуская руку:

— Цзян Цзи! Подожди...

— Сначала ты, — сказал Цзян спокойно, но в голосе дрогнуло что-то почти нежное.

Лу Синъянь стоял так близко, что дыхание било в затылок. Он выдохнул почти неслышно:

— Я... люблю тебя.